

МОЛОДОЙ ТЕАТР ГРУЗИНСКОГО КИНО

К итогам гастролов в Ереване

Знакомая с труппой Тбилисского театра киноактера, невольно думаешь, как сложится ее дальнейшая судьба, что подарит будущее этим молодым актерам и что каждый из них сможет дать искусству. Но, что бы ни случилось, их навсегда объединит память об общих мечтах и первых успехах, когда работали они, вдохновляемые народным артистом СССР Михаилом Ивановичем Туманишвили.

У Туманишвили всегда возникал прочный контакт с его учениками, многие из них сейчас хорошо известны в Грузии, а некоторые и за ее пределами. Но, не удовлетворявшись воспитанием талантов в стенах института, профессор Туманишвили загорелся идеей создания нового театра, основанного на принципах студийности.

Киностудия «Грузия-фильм» взяла это начинание под свое покровительство. Так четыре года назад в Тбилиси возник новый театр со своим небольшим залом — всего на сто семьдесят пять человек не пу-

стующих мест, с маленькой сценой, которой всегда соответствует изобретательное и интересное оформление.

Думается, экспериментальная группа, с которой работал М. Туманишвили (молодые актеры в режиссеры, только что вышедшие из стен театрального института), не случайно бросила якорь во владениях кинематографистов: оригинальная стилистика грузинского кино, его выразительный и самобытный язык должны были обрести свою лабораторию, свою каждодневную актерскую площадку, театр, формирующий актерские индивидуальности.

Ереванские гастролы грузинского театра, организованные театром «Дружба», оказались его первым выездом за пределы республики. Были показаны четыре спектакля, один из которых свидетельствуют о широте и серьезности репертуарных исканий. «Мученичество Шушаник» — пьеса М. Мреваншвили, созданная на основе древней хроники Иакова Цуртавели, «Дело» Сухова-Ко-

былина, «Свинья Бакулы» инсценированный рассказ Д. Кадзашвили и молюеровский «Дон Жуан» при всей своей неслыханности были отмечены единым для этого театра характером, страстными, энергичными и выразительными. Выразительны были мизансцены, точенная актерская пластика, счастливо избегающая небрежности и не превращающаяся в представительство и самоцель.

Ирония, которая в различных своих оттенках проявляется в других спектаклях, в «Мученичестве Шушаник» уступает место глубокой серьезности тона. Шушаник — армянка, дочь полководца Вардана Мамиконяна, любимая жена грузинского пхтиахша Варскена, мученически погибает, не отступив от своей веры, сохраняя верность своему нравственному идеалу, став не просто святой, а примером стойкости и душевной силы для многих поколений.

Все это достоверно показано в спектакле, поставленном молодым режиссером Н. Багратионом-Грузинским.

«Мученичество Шушаник» идет без антракта, на одном дыхании. Сдержанная страстность, тревога переходит в трагизм, который достигается за счет напряженной правды сценической жизни актеров. Это отбрасывается, конечно, в первую очередь, к актрисе М. Арабули, исполнительнице роли Шушаник и З. Кипшидзе (пхтиахш Варскен), но в то же время отбрасывает всех участников массовых народных сцен, где у каждого персонажа без слов есть своя задача, выполняемая им с полной отдачей сил, что и отличает подлинного актера от фигуранта.

Так же без антракта идет поставленный М. Туманишвили спектакль «Свинья Бакулы», увлекший остротой режиссерского замысла, виртуозностью сценического построения и точностью актерской работы. Каждый эпизодический персонаж в этом спектакле, возникающий пусть даже на минуту, живет своей жизнью и потому становится заметен, не теряется в

общей массе. Взаимодействие всех этих человеческих состояний, характеров, настроений, создает партию спектакля, так беспощадно, с горьким сарказмом бичующего рвачество, тупость и угодливость.

Острота, графичность пластических образов обращают на себя внимание в «Деле». М. Туманишвили был далек от стремления воссоздать классическую русскую комедию со всей добросовестностью и достоверностью. Гротеск, задуманный им и безупречно воплощенный молодыми актерами, скорее является вариацией на известную тему, причудливой фантазией в духе графических гротесков Домье.

Здесь снова бичуется зло — беззастенчивое и жадное стремление к наживе. Целая свора изворотливых чиновников-изяточников — от князя до Тарелкина (актеры П. Бараташвили, З. Кипшидзе) выживают и подстерегают жертву. Каким беспомощным и наивным выглядят в этом окружении Му-

ровский (Р. Иманшвили) с его картонным мечом!

Типажность, отличающая спектакль «Свинья Бакулы», заметна и в «Деле». Но если в первом случае типажность казалась почти этнографической, то в интерпретации пьесы Сухова-Кобылина она приобретает иной характер. Здесь принципиально отсутствует точность в передаче примет эпохи — это касается и костюмов, и музыки, и декораций. Так, Агуса оказывается в косынке, повязанной скорее на современный лад, чиновники отплатывают каккан, звучит талья, и все это происходит на фоне деталей интерьера в стиле начала века.

Театр смело использует различные приемы театральной выразительности, остроты, юмор сценического языка нередко возникают из различного рода ассоциаций и неожиданных сопоставлений. Непринужденная театральность незаметно создает собирательность, как бы множа действующие на сцене персонажи, устанавливая преемственность всех этих типов, причудливых, шаржированных, но вместе с тем чрезвычайно реальных. И, думается, не случайно всем нам известный Вараван в этом спектакле лишен своей ставшей уже традиционной внешней респектабельности, замкнутой значительности

пожилого солдацкого чиновника, — ничем не примечательный молодой человек, вертлявый и скользкий, каким играет его Т. Толарав, срывающийся с подобными ему оборотистыми чиновниками, помогает точнее передать замысел спектакля.

Наверно, это одна из особенностей грузинского искусства: обращаясь к любому иноязычному произведению, пропуская его сквозь призму национального видения, как бы органически его осваивая, наделяя характерными грузинскими черточками. Обе известные комедии — «Дело» и «Дон Жуан» предстают на сцене Тбилисского театра киноактера подлинными произведениями грузинского театра. Это проявляется, в частности, в том, что в обоих спектаклях есть персонаж от театра. В «Деле» это трогательный клоун (А. Хачидзе), в «Дон Жуане» — колоритнейшая суфлерша, как бы ведущая действие (М. Итоншвили). Да и сам Дон Жуан — стройный, порывистый, ироничный и непосредственный (З. Кипшидзе) несет на себе печать грузинского характера, как впрочем, и замечательный Спанарел (А. Амранашвили) и обе крестьяночки (М. Арабули и Д. Хачидзе).

Спектакль Театра киноактера «Дон Жуан» был высоко оценен во время Всесоюзного фес-

тивала молодежных спектаклей, состоявшегося в апреле нынешнего года в Тбилиси. Критики единодушно отмечали его театральность, сценическую легкость и непосредственность. Но прежде всего подчеркивали то понимание, которое существует между режиссером М. Туманишвили и его молодыми актерами.

И во время гастролов в Ереване запомнились увлекательные общим делом актеры этого молодого театра. З. Кипшидзе, А. Амранашвили, П. Бараташвили — о каждом из них можно сказать, что они темпераментны, выразительны, пластичны и способны к перевоплощению. Запомнились И. Саквареладзе, Р. Иоселиани, Г. Пипинашвили, Р. Иманшвили. И, конечно, полюбившие актрисы М. Арабули, Д. Хачидзе, С. Николашвили, М. Итоншвили, Р. Болквадзе.

Хочется снова увидеть их на сцене и на экране. Верится, что их путь в искусстве сложится интересно и будет отмечен верностью тем принципам, которые стали основой Тбилисского театра киноактера, заявившего о себе своеобразием почерка, напомнившего о том, что зрелость в искусстве — категория не возраста, а таланта.

М. ЯХОНТОВА.